

Татьяна ДЕМИДОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ ПОЭТ А.А. КОРИНФСКИЙ

Не часто доводится человеку жить в старинном доме, да еще доме с богатой и интересной историей. Я живу в таком доме вот уже 50 лет – от рождения и до настоящего времени. А дому нашему 150 лет. Это известный всем краеведам объект под наименованием «дом Харитоновых», стоящий на пересечении улиц Радищева (бывшая Мартыновская) и бульвара Пластова (бывшая Большая Саратовская, впоследствии Завьяловская площадь, а затем Гончаровская улица).

Симбирск. Улица Мартыновская. Дом Харитоновых. Очертания начата в XIX веке



Не буду пересказывать историю нашего домовладения. О ней существуют статьи известных краеведов: С.Л. и А.С. Сытиных, Л. Додоновой, А.А. Калачева и Ю.Д. Ефимова. О роли семьи Харитоновых в истории нашего домовладения, города и России тоже написано немало. Однако не менее интересным был «дохаритоновский» период жизни дома, о котором нам почти ничего не известно. Именно тогда в доме снимал квартиру внук известного архитектора М.П. Коринфского, гимназист А.А. Коринфский, сирота, впоследствии известный поэт, этнограф, переводчик, заместитель главного редактора петербургского журнала «Север» в 1896–1897 годах.

Известно, что после пожара 1864 года собственница «пустопорожнего места» А.П. Жидкова строит дом смешанного типа в два с половиной этажа с мезонином. Не справившись с финансовыми трудностями, Жидкова продает отстроенный дом небогатому дворянину выпускнику Духовной семинарии коллежскому асессору (сравнительно небольшой чин, 8 разряд) Д.И. Смирницкому, который стал владельцем дома почти на 30 лет. Купив дом, он поступает на службу эконома пансиона Симбирской мужской губернской классической гимназии с 1866 по 1881 год (12 лет). По другим данным, почти до самой смерти, то есть до 1893 года (24 года). Близость расположения дома тому способствовала. Сын Смирницкого Григорий учился в параллельном классе с Александром Ульяновым. В гимназии

Смирницкий, видимо, познакомился с тогда еще отроком Аполлоном Коринфским и поместил его жить в своем доме. Возможно, потому, что ему было жаль сироту, не приспособленного жить в условиях пансионной общины или в силу каких-то знакомств и протекций родных мальчика или просто для прибыли. Смирницкий был экономным человеком. Подтверждение того – сохранившаяся у нас печная дверца точь-в-точь такая же, как дверцы печей Симбирской гимназии. Появлением ее в доме мы, вероятно, обязаны Смирницкому.

Аполлон Коринфский прожил в нашем доме с 1879 по 1890 год, наезжая и останавливаясь даже после ухода в 1886 году из гимназии, что говорит о хороших взаимоотношениях, сложившихся с владельцем, и об удобстве квартиры для юного литератора.

Много изменений наложило время на внешний и внутренний облик дома, и поэтому необычайно интересно и важно определить, каким был дом во времена Смирницкого и Коринфского. Для того чтобы это выявить, приходится обращаться к архивным документам разных эпох, заглядывая все дальше и дальше и «очищая» облик дома от различных внешних и внутренних наслоений, и к воспоминаниям, и к пристальному изучению самого дома. Сделать это сложно, но мне, как человеку, живущему в этом доме, в этом отношении проще. В частности, я хорошо помню, что рассказывали о доме Н.И. и В.И. Харитоновы, дочери И.Х. Харитонova, его внук, профессор астрофизики, и мать последнего Таисия Михайловна, моя бабушка Т.К. Моржикова, однокашница Харитоновых по гимназии В.В. Кашкадамовой и совладелица с 1948 года, их приятельницы-старушки. Что касается А. Коринфского, то как раз о нем не говорилось то ли по незнанию, то ли потому, что в биографии поэта существовало несколько сложных моментов, которые не освещались в годы советской власти. Однако декламатор со стихотворениями Коринфского в доме существовал и существует. Я думаю, что многого в силу обстоятельств мне не рассказали мои бабушки, в том числе и Харитоновы, которых тоже считаю родными.

Конечно, дом частично перестраивался, меняли экстерьер и интерьер, не единожды даже на моей памяти переустраивался двор, при этом предвдущее, как целое, утрачивалось, но оставалась архитектурная эклектика, насыщенная говорящими деталями. Основное – сруб, планировка, расположение комнат, входы в этажи и мезонин, окна, двери и многое другое – сохранилось, несмотря на годы бурь и потрясений. И еще атмосфера, которая буквально берет в плен каждого входящего.

Архивный фонд № 198 – дело по страхованию от огня, начатое 5 августа 1887 года, – содержит «Описание строений Д.И. Смирницкого». Дело по страхованию перешло к Харитонову вместе с усадьбой. Это, пожалуй, единственный сохранившийся источник информации о том, как выглядело домовладение во времена жизни в нем Коринфского. Что побудило хозяина страховать дом – память о пожаре 1864-го или еще какое-то событие, неизвестно. В документах проскользнула информация, что в 1887 году Смирницкий заменяет деревянную крышу сени, ведущих в мезонин, железной. Проверить это не представляется возможным. Если старый и небогатый человек решает на страхование, следовательно, что-то произошло и потребовало такого решительного шага. Ведь страховой взнос составлял 1500 рублей, по тем временам деньги немалые (и это вместо первоначально назначенных 2000 рублей).

В деле имеется важное для нас описание строения на 24 июня 1887 года:

А – «Смешанный, обшитый, не оштукатуренный дом, крытый железом с досчатыми [сохранена орфография подлинника] пристройками (крыльцо, терраса, и отхожее место), крытыми деревом. Занят домовладельцем и сдается в наем [последнее для нас важно]. Длина 5 сажней, ширина 4 сажени, высота 1 и 2/3 сажени с мезонином».

В – «Полубревенчатый погреб, крытый деревом, длина 4 сажени, ширина 3 сажени, высота 1 1/3 с.»

С – Полубревенчатые конюшни, каретник, амбар, крытые деревом.

Д – Забор и ворота деревянные.

Е – Пристрои – терраса и отхожее место, крытые деревом. Постройки надворные в ветхом состоянии. Если говорить о внутреннем состоянии дома, то отмечают неоштукатуренные переборки [такие до сих пор сохранились в подвале и до недавнего времени существовали в мезонине], двойные окна (15 штук), меньшего размера 9, в мезонине 2 [сохранились оба], дверей двустворчатых 4 [с тех времен сохранились две], дверей одностворчатых одна, дверей плотничных 22, лестниц (1), печей голландских 4 [у Харитонова для сравнения 6], русских – 2 [у Харитонова 3], дымовых труб – 4 [при Харитонове – 3], отхожих мест – 1.

Перечеркнутый план дома Смирницкого содержит важный элемент – второе парадное, которое вело, видимо, из полуподвального этажа на юг (это подтверждает наличие сохранившейся лестницы в подвале, ориентированной в южном направлении), что позволяло заходить в квартиру автономно с улицы. Его упразднил И.Х. Харитонов постройкой торговой лавочки, а потом восстановили его дочери.

Эта бесценная опись дает нам возможность увидеть, каким было домовладение Смирницкого во времена жизни у него Коринфского. Дом позво-

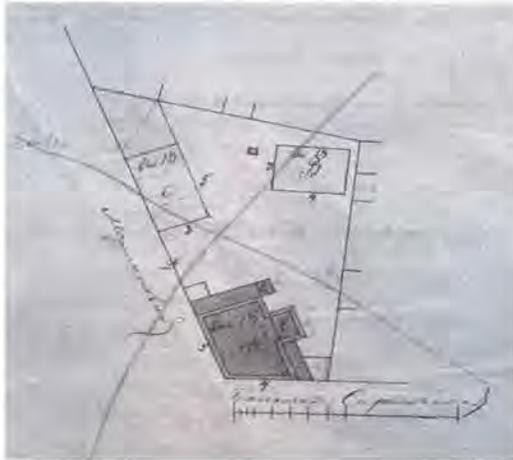
лял хозяину, живущему в одном из этажей, сдавать другой и мезонин, с отдельным выходом во двор квартирантам. Мы не знаем, в каком именно этаже, и каких комнатах жил поэт. Харитоновы, например, полуподвальное помещение занимали сами, когда в финансовых целях сдавали квартиру первого этажа и мезонин, о чем вспоминала Н. Харитонова, проведшая детство в квартире первого этажа. Так ли делали Смирницкие, неизвестно, остается лишь предположить. Но некоторые традиции одного домовладельца явно «перекочевывали» к последующим. Дом всегда (и Жидковыми, и Смирницким, и Харитоновыми) частично сдавался квартирантам, а после революции – полностью. С целью сдачи И.Х. Харитоновым был даже построен второй доходный дом или флигель во дворе в 1905 году, о чем много написано в связи с ленинской темой, поскольку первым квартирантом там был Д. Ульянов (есть в краеведческой литературе предположение, что В. Ульянов тоже бывал в нашем домовладении, как раз у Коринфского, и пользовался его богатой библиотекой).

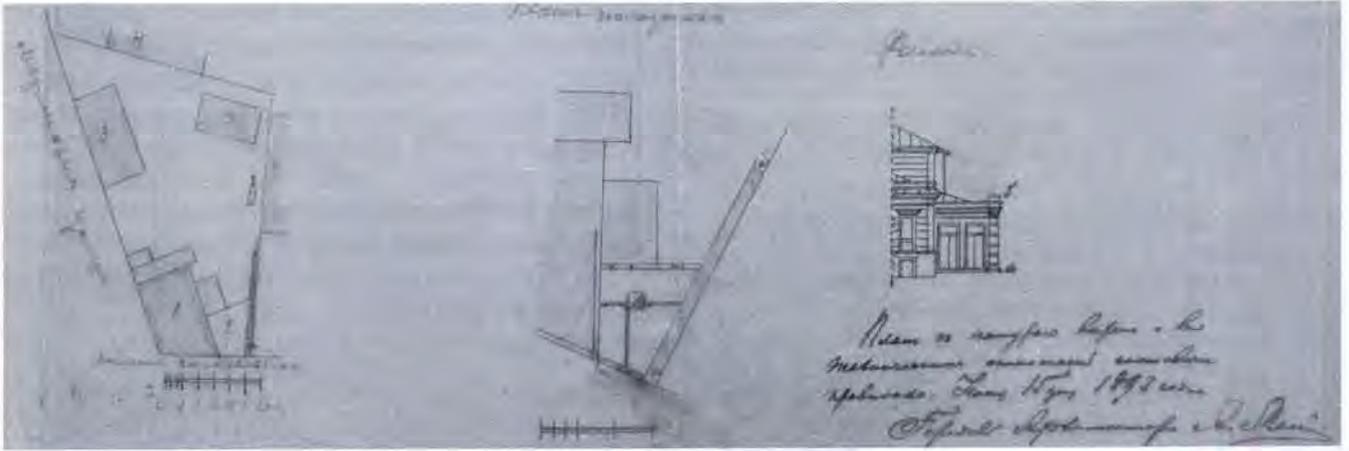
Юноша Коринфский мог снимать или деревянный этаж, как человек обеспеченный, или мезонин, как человек одинокий. Это было несравненно лучше, чем жить в пансионе, где случалось всякое, о чем существуют воспоминания выпускников гимназии. Даже жизнь в мезонине была вполне сносна для гимназиста, особенно если учесть, что мезонин являет собой довольно светлую комнатку, обращенную венецианским окном на запад

и небольшую отделенную дощатой перегородкой проходную комнатку с окном на восток. В мезонин вели со двора сохранившиеся сени с лестницей и отдельным выходом. Гимназист мог столоваться у хозяина или иметь приходящую кухарку или слугу-дядьку. Для занятий, сна и питания такая квартира вполне подходила.

С возрастом Смирницкому становится трудно содержать дом. И он закладывает в банк свое недвижимое имущество. В архиве хранится документ от февраля 1892 года, где домовладелец спрашивает у властей, нет ли препятствий для взятия ссуды размером в 700 рублей сроком на три года под залог дома, строений и земли. 3 августа он оформляет страховку на 1892 год, но подписи ставит жена Варвара Петровна, а имущество находится в залоге у Симбирского городского общественного банка. Умирает он 28 августа 1892 года. Дом оценивают в 2.632 рубля. Уход Д.И. Смирницкого из жизни отчасти объясняет, почему поэт больше не приезжал в Симбирск – останавливаться в привычном месте не было возможности. Из архивных документов известно, что старший брат литератора П.А. Коринфский в 1893 году только начинает строительство собственного дома на Бараньей улице Симбирска. 13 февраля 1893 года дом перешел вдове.

25 февраля дом покупает И.Х. Харитонов, по-





сле чего в домовладении происходят большие изменения. В архиве сохранилось дело Симбирской городской управы по техническому отделу от 9 марта 1893 года, в котором имеется план готовящихся изменений в доме. Важно, что этот план начертан карандашом на плане построек, принадлежавших Смирницкому. Новый владелец занялся частичной перестройкой и починкой дома. «Покорнейше прошу разрешить мне наружный ремонт принадлежащего мне деревянного дома, находящегося... выстроенного по плану, утвержденному губернским правлением в 1865 году», – пишет в своем заявлении И.Х. Харитонов. Далее идет перечень необходимых изменений:

1. Перекрытие железной крыши.
2. Исправление всей наружной тесовой обшивки как самого дома, так и крылец.
3. Исправление оконных косяков.
4. Замена новыми пришедших в ветхость парапетов, карнизов, пелястр, наличников.
5. Перестилание внутри дома полов.

6. Отдельными бумагами Харитонов просит разрешить строительство брандмауэра и помещений для бакалейной и винной лавочек. Планируемая лавочка с большими стеклянными окнами-дверями видна на рисунке. На этом уникальном чертеже мы видим также фрагмент южного фасада дома времени Коринфского со старыми обшивкой и наличниками, опускающимися почти до окон полуподвального этажа, без пелястр и кружев, но с парапетом.

Но логика живой жизни такова, что планирует человек одно, а удается не всегда и не все. Несмотря на целеустремленный характер И. Харитонova, обшивка была изменена, видимо, частично, так как старое проглядывает сквозь новое, да и могла ли она обветшать за 30 с небольшим лет владения Смирницкого, если сделанные Харитоновым 125 лет назад изменения живы до сих пор. Действительно, появились пелястры, прекрасные деревян-

ные кружева, сохранившиеся до настоящего времени, изменились уличные наличники, парапеты, карнизы как наиболее уязвимые элементы декора ввиду ветров и морозов. Внутри – новые дополнительные печи, штукатурка на стенах и деревянных переборках между комнатами, лепнина на потолке вдоль карнизов и в виде розеток в середине в двух комнатах, белые крашенные дверные и оконные наличники, под которыми можно обнаружить темные коричневые рифленые старые. А вот две двойные филенчатые двери мне представляются сохранившимися со времен Смирницкого, следовательно, «помнят» Коринфского. О дверях сохранилось много воспоминаний, часто велись разговоры о необходимости их сохранять. И дело не только в их исторической значимости. Филенчатые двери и лепнина – самое красивое в старинных деревянных домах, скромная копия убранства дворцов, теперь своего рода поэзия (как здесь не начнешь писать стихи!). На некоторых чудом сохранились старинные латунные ручки. Косяки в окнах были, на мой взгляд, обновлены лишь частично, так как где-то они рифленые, а где-то гладкие. На некоторых окнах есть решетки, на иных нет. О полах сказать что-либо трудно, тут требуется экспертная комиссия,

но скреплены они старинными коваными гвоздями, так что, возможно, помнят Коринфского. Построил Харитонов лавочки и два брандмауэра с разрывом в средней части двора. Один сохранился полностью, но имеет сильный крен, другой – частично, но стоит строго перпендикулярно. Бакалейная лавочка в настоящее время выглядит не так, как заявлено на прилагаемом Харитоновым в документах чертеже, ибо перестраивалась в



1948 году дочерью Харитонova.

Во время постройки двухэтажного флигеля (прошение от 13 сентября 1904 года) хозяин полностью переключает внимание на этот объект и меньше уделяет внимание старому дому, благодаря чему он консервируется почти в том виде, в каком был в

1893 году. Исключение составляют свет и водопровод. В 1914 году Харитонов умирает, а последующие события революции и войн не благоприятствуют перестройкам и обновлениям.

Итак, отринем мысленно все, что сделал И.Х. Харитонов, и представим дом, где не было названных изменений. А. Коринфский видел большой двор без брандмауэров, без бакалейной лавочки, с надворными постройками, стоящими углом в северо-западной части (на месте доходного дома), с колодцем, который имеется на чертеже. С высоты

мезонина он мог любоваться Ильинской церковью с мостом и колокольной и, возможно, Волгой, так как высоких зданий вокруг не было. Старинные входы в дом, парадные, полуподвал, сени, крыльца, террасу, сохранившиеся до настоящего времени он мог видеть ежедневно. Внутри его окружали неоштукатуренные смолисто-желтые стены сравнительно нового дома, множество окон (дом очень светлый), тепло (дом удивительно теплый до сих пор) и уют (дом очень уютный до сих пор)!